

Солнечный свет был просто безжалостен.

Сачико Асакура прикрыла руками глаза и посмотрела на голубое небо. По нему быстро проплывали хлопковые облака. Их течение было очень сильным, но здесь, внизу, стояла такая знойная жара, что воздух казался совершенно неподвижным. Асакура, одетая сегодня в черный костюм, в полной мере ощутила на себе влияние летней погоды. Она вытерла капельки пота с шеи носовым платком и укрылась в тени, спасаясь от палящего солнца.

Скоро начнутся похороны. Асакура, вместе с другими студентами и коллегами, зашла к Тошиаки, чтобы помочь с приготовлениями. Работники похоронного бюро и родственники держали весь процесс под контролем, но Асакура настояла на своей помощи. С минуты на минуту должны были выносить гроб, и она вышла на улицу, чтобы убедиться, что катафалк уже прибыл.

Тошиаки жил в муниципальном квартирном доме. Серые стены то тут, то там были покрыты трещинами, из-за которых все вокруг казалось еще более старым. В этом крыле четырехэтажного здания жили двадцать четыре семьи. Квартира Тошиаки, где он прожил столько счастливых лет со своей ныне покойной женой, находилась на третьем этаже. Асакура была здесь впервые. Когда-то давно территория района была, наверное, больше рисового поля. Теперь же все было усеяно плотными группами обветшалых на вид домов.

Стоянка была забита машинами, места хватало лишь на то, чтобы пройти между ними. Капоты автомобилей поблескивали под агрессивными лучами солнца, и от неосторожного прикосновения к ним можно было получить ожог. Узкая улочка перед домом была молчаливой и спокойной, также как и женщина, к которой ее мощные дорожки привели всех собравшихся сегодня здесь. Единственным звуком, время от времени нарушавшим эту тишину, был далекий рев мотоциклетного двигателя. Внезапно все погрузилось во мрак. Посмотрев наверх, Асакура увидела плотные облака, заслонившие собой солнце. Она сделала шаг вперед, чтобы отойти от затененной стены здания. В этот самый момент солнце снова выглянуло из-за облаков, озаряя все вокруг.

Асакура прищурилась от яркого света.

— Наконец-то первый этаж, - зазвучал голос, за которым последовал какой-то грохот. Асакура обернулась на звук. Группа мужчин, несущих гроб Кийоми, спускалась вниз по лестнице. Бетонные ступеньки были узкими, кое-где облупилась краска. На тесных лестничных площадках мужчинам было очень трудно разворачивать гроб. Тошиаки, возглавлявший эту процессию, держал в руках ритуальную табличку. Рядом шли родители Кийоми с фотографией своей дочери.

Несмотря на большое количество припаркованных вокруг машин, кто-то из похоронного

бюро сумел все-таки пригнать катафалк и, дав задний ход, аккуратно поставить его прямо у торца дома. Задняя дверь была открыта. Немного поворчав, гроб погрузили внутрь. Асакура молчаливо наблюдала за происходящим.

Как только гроб был помещен в катафалк, скорбящие собрались полукругом около него, чтобы отдать последнюю дань уважения умершей. Асакура поспешила присоединиться к ним, скромно став позади. Благодаря своему росту она могла отчетливо видеть лицо Тошиаки, находящегося в центре собрания.

— Я хочу поблагодарить всех вас за то, что вы пришли сегодня... - начал Тошиаки обычным ровным тоном, от которого становилось еще тревожнее. Из-за полного отсутствия какой-либо интонации в его голосе, по нему нельзя было сказать, что он только что пережил утрату. Единственной, кто не мог сдержать слез, оказалась мама Кийоми. Она была хрупкой и миниатюрной, с копной блестящих волос. Несколько морщин уже прорезались у нее на лбу и вокруг рта, но, несмотря на это, она поразительно молодо выглядела. Наверное, в юности она была просто очаровательной девушкой. В то же время отец Кийоми представлял собой очень важного и солидного мужчину в полном расцвете сил. Опустив голову, он терпеливо слушал речь Тошиаки. Время от времени его плечи подрагивали, выдавая скорбь, которую он был не в силах сдержать. Безучастный голос Тошиаки, звучащий в пронизанном солнечными лучами воздухе, казался таким неуместным, что создавал странное ощущение нереальности всего происходящего.

Взгляд, который застыл сегодня у Тошиаки на лице, выводил Асакуру из себя. Мужчина в черном костюме, стоявший у алтаря, был уже не тем человеком с мягкими чертами лица и пронизательным взглядом, которого раньше она считала своим наставником и образцом для подражания. Это был уже не тот Тошиаки, которого она каждый день видела в лаборатории. Теперь на его бледном лице четко вырисовывались темные круги под глазами. Иногда он стучал зубами, будто в ознобе, его руки слегка дрожали. Она впервые увидела его таким накануне вечером, когда все студенты пришли навестить его и проверить, как он держится. Он так изменился, что на какое-то мгновение Асакура даже потеряла дар речи.

Большая черно-белая фотография Кийоми украшала алтарь. На ней была запечатлена улыбающаяся женщина, сохранившая свое детское и невинное выражение лица. Асакура встречалась с ней всего один раз – в прошлом месяце Тошиаки пришел на открытое собрание Университета фармацевтических наук вместе с женой. Она обладала очаровательной улыбкой. Кийоми была на несколько лет старше Асакуры, хотя выглядела на самом деле моложе ее, вероятно, благодаря генам. Асакура слегка взбудоражилась. Кийоми... даже имя этой женщины было прекрасным.

Находясь вдалеке от гроба, она украдкой взглянула на ее прекрасное лицо. Очевидно, из-за полученной в автокатастрофе травмы, верхняя часть головы была прикрыта белой тканью. Это бросалось в глаза, но, тем не менее, никак не влияло на привлекательность Кийоми. Ее лицо было заgrimировано, а губы застыли в слабой улыбке. Ее бледные, почти полупрозрачные щеки казались такими нежными, что в какой-то момент Асакура едва смогла подавить странное желание прикоснуться к ним.

Всю церемонию Тошиаки смотрел на ее фотографию, лишь краем уха прислушиваясь к

соболезнованиям. Он выглядел рассеянным, но были моменты, когда на его лице появлялась внезапная улыбка, будто он что-то вспомнил. Асакура отметила, что вчера вечером он вел себя точно также. Тошиаки был настолько спокоен, что это пугало ее. Она быстро отвела взгляд, как будто не желая вмешиваться в личную тайну этого мужчины и его покойной жены.

Тошиаки продолжил свою речь, в которой бесчисленное количество раз упоминал имя Кийоми. Все очень устали от безжалостно палящего солнца. Некоторые постоянно вытирали свои лбы платками, остальные же просто стояли на месте, терпеливо ожидая, когда он закончит.

Тошиаки полностью изменился. Казалось, что после смерти Кийоми его душа была в сильном смятении. Помогая с похоронами, Асакура чувствовала, что совершенно не узнает этого человека, ей было трудно подобрать нужные для него слова. Это еще больше обеспокоило ее. Подобная ситуация случилась и несколько дней назад, когда Тошиаки неожиданно появился в лаборатории. Он просто накричал на нее за то, что она пыталась выразить ему свои опасения, а затем как одержимый принялся работать над чем-то в ламинарном боксе. Затем он снова отправился в больницу, не проронив при этом ни слова. По его мечтательному виду можно было сказать, что он очень увлечен своим делом. Пока Тошиаки не было, Асакура тайком заглянула в инкубатор, чтобы проверить, что же он делал. Внутри оказались подставка с шестью ячейками и новая колба с культурой, на крышке которой почерком Тошиаки было написано «Ева». Асакура не знала никого с таким именем. Осторожно достав колбу, она рассмотрела ее содержимое под микроскопом и увидела там формы здоровых клеток, которые, однако, не смогла идентифицировать. Она не понимала, почему из-за обычных клеточных исследований Тошиаки устроил целый скандал. Чувствуя себя очень неловко и, в то же время, боясь быть обнаруженной, Асакура поспешно вернула колбу обратно в инкубатор, на ее прежнее место.

В заключительной части речи интонация голоса Тошиаки слегка изменилась.

— Кийоми уходит из наших жизней... но это не значит, что она мертва. Почки Кийоми были пересажены двум пациентам. Мы всегда будем помнить о том, что она процветает внутри них.

За этими простыми словами скрывалось легкое волнение, потому что Тошиаки заключил в них особый смысл. Возможно, его речь даже нельзя было назвать надгробной. Асакура заметила, как на лице Тошиаки возникло подобие улыбки. В промежутках между словами, он жадно облизывал губы. Наблюдая за происходящим, у Асакуры пересохло во рту. Рассеянный солнечный свет окутал всех белой туманной пеленой. К этому времени все присутствующие жутко вспотели, но продолжали смиренно стоять, опустив глаза вниз. Только Тошиаки оставался с поднятой головой. Асакура, которая уже заметно нервничала, не могла оторвать от него взгляд, пока он не договорил:

— Кийоми будет жить.

Асакура пришла в себя, когда люди уже начали расходиться. Тошиаки и несколько родственников разделились по двум машинам и выехали на дорогу. Остальные собрались в тени под входным навесом, чтобы попрощаться с ними.

Сначала уехал катафалк, а сразу же за ним и черный седан, в котором сидел Тошиаки. Под низкий гул двигателей, автомобили направились к перекрестку. Холодный отблеск скользнул по черному корпусу катафалка, прежде чем тот скрылся из виду.

Какое-то время гости все еще оставались на своих местах.

— Скоро мы получим пепел, - произнес мужчина, по-видимому, родственник, своей фразой вызвавший у толпы вздохи облегчения. Он поднялся по ступенькам обратно в квартиру, и остальные последовали его примеру. Асакура медленно плелась за ними.

— Тебе не показалось, что муж вел себя очень странно?

Услышав этот вопрос, Асакура подняла глаза, пораженная таким прямолинейным замечанием. Она увидела перед собой двух разговаривающих женщин средних лет. Похоже, они были родственниками или близкими знакомыми, но этот факт абсолютно шел в разрез с их равнодушной болтовней.

— «Кийоми будет жить». Прямо мурашки по коже, да?

Они говорили это шепотом, но настолько эмоционально, что Асакуре все равно были слышны их пронзительные голоса. Асакура чувствовала себя неуютно и хотела уйти от них подальше, но этот разговор настолько охватил ее слух, будто предназначался именно для нее.

— Да, он был очень странным. Я думаю, он просто подавлен горем, которое на него так внезапно обрушилось. Такое тяжело принять.

— Ну, похоже, он уже давно так себя ведет. Я слышала, что в больнице у Кийоми произошла эта... смерть мозга.

— Я ничего об этом не знала... Ох, не хотела бы я так закончить.

— И я тоже. Ты знаешь, что он позволил пересадить ее почки... Говорят, с тех пор он и сошел с ума.

— Как он мог допустить такое? Неужели он разрешил им вынуть почки своей жены? Наверное, он совсем рехнулся.

— Вот-вот. Зачем так уродовать ее тело? Он, скорее всего, думал, что этим поступком покажет себя в каком-то выгодном свете. Я на сто процентов уверена в этом.

Асакура не могла больше это терпеть. Она почувствовала тошноту и двинулась вверх по лестнице, чтобы поскорее уйти отсюда. Растолкав по пути эту парочку, продолжающую распускать сплетни, она отчаянно помчалась дальше.

<http://tl.rulate.ru/book/18422/438009>